

Два рыцаря. Джеймс Джойс

Теплый сумрак августовского вечера спустился на город, и мягкий теплый ветер, прощальный привет лета, кружил по улицам. Улицы с закрытыми по-воскресному ставнями кишели празднично разодетой толпой. Фонари, словно светящиеся жемчужины, мерцали с вершин высоких столбов над подвижной тканью внизу, которая, непрерывно изменяя свою форму и окраску, оглашала теплый вечерний сумрак неизменным, непрерывным гулом.

Двое молодых людей шли под гору по Ратленд-Сквер. Один из них заканчивал длинный монолог. Другой, шедший по самому краю тротуара, то и дело, из-за неучтивости своего спутника, соскакивал на мостовую, слушая внимательно и с видимым удовольствием. Он был приземист и краснощек. Его капитанка была сдвинута на затылок, и он слушал так внимательно, что каждое слово отражалось на его лице: у него вздрагивали ноздри, веки и уголки рта. Свистящий смех толчками вырывался из его корчащегося тела. Его глаза, весело и хитро подмигивая, ежеминутно обращались на лицо спутника. Два-три раза он поправил легкий макинтош, накинутый на одно плечо, словно плащ тореадора. Покрой его брюк, белые туфли на резиновой подметке и ухарски накинутый макинтош говорили о молодости. Но фигура его уже приобретала округлость, волосы были редкие и седые, и лицо, когда волна чувств сбегала с него, становилось тревожным и усталым.

Убедившись, что рассказ окончен, он разразился беззвучным смехом, длившимся добрых полминуты. Затем он сказал:

– Ну, знаешь ли... это действительно номер!

Его голос, казалось, утратил всю силу; чтобы подкрепить свои слова, он прибавил, паясничая:

– Это номер единственный, исключительный и, если можно так выразиться, изысканный.

Сказав это, он замолчал и стал серьезен. Язык у него устал, потому что с самого обеда он без умолку говорил в одном из баров на Дорсет-Стрит. Многие считали Ленехэна блюдолизом, но благодаря своей находчивости и красноречию ему удавалось, несмотря на такую репутацию, избегать косых взглядов приятелей. Он умел как ни в чем не бывало подойти к их столику в баре и мозолить глаза, пока его не приглашали выпить. Это был своего рода добровольный шут, вооруженный обширным запасом анекдотов, куплетов и загадок. Он не моргнув переносил любую обиду. Никто не знал, каким путем он добывает средства к жизни, но его имя смутно связывали с какими-то махинациями на скачках.

– А где ты ее подцепил, Корли? – спросил он.

Корли быстро провел языком по верхней губе.

– Как-то вечером, – сказал он, – шел я по Дэйм-Стрит и высмотрел аппетитную девчонку под часами на Уотерхауз и, как полагается, поздоровался. Ну, пошли мы пройтись на канал, и она сказала, что живет в прислугах где-то на Бэггот-Стрит. Я, конечно, обнял ее и немножко помял. А в воскресенье, понимаешь, у нас уже было свидание. Мы поехали в Доннибрук, и там я завел ее в поле. Она сказала, что до меня гуляла с молочником... Здорово, братец, скажу я тебе. Каждый вечер тащит папиросы и в трамвае платит за проезд туда и обратно. А как-то притащила две

чертовски отличные сигары... Первый сорт, знаешь, такие, бывало, мой старик курил.. Я трусил, не забеременела бы, но она девка не промах.

– Может быть, она думает, что ты на ней женишься?

– Я сказал ей, что сейчас без места, – продолжал Корли. – И что служил у Пима[1]. Она не знает моей фамилии. Не такой я дурак, чтобы сказать. Но она думает, что я из благородных.

Ленехэн снова беззвучно рассмеялся.

– Много я слышал историй, – сказал он, – но такого номера, признаюсь, не ожидал.

От этого комплимента шаг Корли стал еще размашистей. Колыхание его громоздкого тела заставило Ленехэна исполнить несколько легких прыжков с тротуара на мостовую и обратно. Корли был сыном полицейского инспектора и унаследовал сложение и походку отца. Он шагал, вытянув руки по швам, держась очень прямо и в такт покачивая головой. Голова у него была большая, шарообразная и сальная, она потела во всякую погоду; большая круглая шляпа сидела на ней боком, казалось, что одна луковица выросла из другой. Он всегда смотрел прямо, словно на параде, и, когда ему хотелось оглянуться на кого-нибудь из прохожих, он не мог этого сделать иначе, как повернувшись всем корпусом. В настоящее время он слонялся без дела. Когда где-нибудь освобождалось место, всегда находились друзья, готовые похлопотать за него. Он часто разгуливал с сыскными агентами, увлеченный серьезным разговором. Он знал закулисную сторону всех дел и любил выражаться безапелляционно. Он говорил, не слушая своих собеседников. Темой разговора преимущественно служил он сам: что он сказал такому-то, что такой-то сказал ему и что он сказал, чтобы сразу поставить точку. Когда он пересказывал эти диалоги, он произносил свою фамилию, особенно напирая на первую букву.

Ленехэн предложил своему другу папиросы. Пока молодые люди пробирались сквозь толпу, Корли время от времени оборачивался, чтобы улыбнуться проходящей мимо девушке, но взгляд Ленехэна был устремлен на большую бледную луну, окруженную двойным ореолом. Он задумчиво следил, как серая паутина сумерек проплывает по лунному диску. Наконец он сказал:

– Ну... так как же, Корли? Я думаю, ты сумеешь устроить это дело, а?

Корли в ответ выразительно прищурил один глаз.

– Пройдет это? – с сомнением спросил Ленехэн. – С женщиной никогда нельзя знать.

– Она молодчина, – сказал Корли. – Я знаю, как к ней подъехать. Она порядком в меня втюрилась.

– Ты настоящий донжуан, – сказал Ленехэн. – Прямо, можно сказать, всем донжуанам донжуан!

Легкий оттенок насмешки умерил подобострастие его тона. Чтобы спасти собственное достоинство, он всегда так преподносил свою лесть, что ее можно было принять за издевку. Но Корли таких тонкостей не понимал.

– Прислуга – это самый смак, – сказал он убежденно. – Можешь мне поверить.

– Еще бы не верить, когда ты их всех перепробовал, – сказал Ленехэн.

– Сначала, знаешь, я гулял с порядочными девушками, – сказал Корли доверительно, – ну, с этими, из Южного Кольца[2]. Я возил их куда-нибудь на трамвае и платил за проезд или водил на музыку, а то и в театр, и угощал шоколадом и конфетами, ну, вообще, что-нибудь в этом роде. Немало денег, братец, я на них потратил, – прибавил он внушительно, словно подозревая, что ему не верят.

Но Ленехэн вполне верил ему, он сочувственно кивнул головой.

– Знаю я эту канитель, – сказал он, – одно надувательство.

– И хоть бы какой-нибудь толк от них, – сказал Корли.

– Подписываюсь, – сказал Ленехэн.

– Только недавно развязался с одной, – сказал Корли.

Кончиком языка он облизал верхнюю губу. Глаза его заблестели от воспоминаний. Он тоже устремил взгляд на тусклый диск луны, почти скрывшейся за дымкой, и, казалось, погрузился в размышления.

– Она, знаешь, была... хоть куда, – сказал он с сожалением.

Он снова помолчал. Затем прибавил:

– Теперь она пошла по рукам. Я как-то вечером видел ее на Эрл-Стрит в автомобиле с двумя мужчинами.

– Это, разумеется, твоих рук дело, – сказал Ленехэн.

– Она и до меня путалась, – философски сказал Корли.

На этот раз Ленехэн предпочел не верить. Он замотал головой и улыбнулся.

– Меня не проведешь, Корли, – сказал он.

– Честное слово! – сказал Корли. – Она же сама мне сказала.

Ленехэн сделал трагический жест.

– Коварный соблазнитель! – сказал он.

Когда они шли вдоль ограды Тринити-колледж[3], Ленехэн сбежал на мостовую и взглянул вверх, на часы.

– Двадцать минут, – сказал он.

– Успеем, – сказал Корли. – Никуда она не уйдет. Я всегда заставляю ее ждать.

Ленехэн тихо засмеялся.

– Корли, ты умеешь с ними обращаться, – сказал он.

– Я все их штучки знаю, – подтвердил Корли.

– Так как же, – снова сказал Ленехэн, – устроишь ты это? Знаешь, дело-то ведь щекотливое. На этот счет они не очень-то сговорчивы. А?.. Что?

Блестящими глазками он шарил по лицу своего спутника, ища вторичного подтверждения. Корли несколько раз тряхнул головой, словно отгоняя назойливое насекомое, и сдвинул брови.

– Я все устрою, – сказал он, – предоставь уж это мне.

Ленехэн замолчал. Ничего хорошего не будет, если его друг разозлится, пошлет его к черту и скажет, что в советах не нуждается. Надо быть тактичным. Но Корли недолго хмурился. Его мысли приняли другое направление.

– Она девчонка аппетитная, – сказал он со вкусом. – Что верно, то верно.

Они прошли Нассау-Стрит, а потом свернули на Килдар-Стрит. На мостовой, невдалеке от подъезда клуба, стоял арфист, окруженный небольшим кольцом слушателей. Он безучастно пощипывал струны, иногда мельком взглядывая на лицо нового слушателя, а иногда – устало – на небо. Его арфа, безучастная к тому, что чехол спустился, тоже, казалось, устала – и от посторонних глаз, и от рук своего хозяина. Одна рука выводила в басу мелодию «Тиха ты, Мойль»[4], а другая пробегала по дисканту после каждой фразы. Мелодия звучала глубоко и полно.

Молодые люди молча прошли мимо, провожаемые скорбным напевом. Дойдя до Стивенз-Грин, они пересекли улицу. Здесь шум трамваев, огни и толпа избавили их от молчания.

– Вот она! – сказал Корли.

На углу Хьюм-Стрит стояла молодая женщина. На ней были синее платье и белая соломенная шляпа. Она стояла у бордюрного камня и помахивала зонтиком. Ленехэн оживился.

– Я погляжу на нее, ладно, Корли? – сказал он.

Корли искоса посмотрел на своего друга, и неприятная усмешка появилась на его лице.

– Отбить собираешься? – спросил он.

– Какого черта, – не смущаясь, сказал Ленехэн, – я ведь не прошу, чтобы ты меня познакомил. Я только хочу взглянуть. Не съем же я ее.

– А... взглянуть? – сказал Корли более любезным тоном. – Тогда... вот что я тебе скажу. Я подойду и заговорю с ней, а ты можешь пройти мимо.

– Ладно! – сказал Ленехэн.

Корли уже успел занести ногу через цепь, когда Ленехэн крикнул:

– А после? Где мы встретимся?

- В половине одиннадцатого, – ответил Корли, перебрасывая другую ногу.
- Где?
- На углу Меррион-Стрит. Когда мы будем возвращаться.
- Смотри не подкачай, – сказал Ленехэн на прощание.

Корли не ответил. Он не спеша зашагал через улицу, в такт покачивая головой. В его крупном теле, размашистой походке и внушительном стуке каблуков было что-то победоносное. Он подошел к молодой женщине и, не поздоровавшись, сразу заговорил с ней. Она быстрее замахала зонтиком, покачиваясь на каблуках. Раз или два, когда он говорил что-то, близко наклонившись к ней, она засмеялась и опустила голову.

Ленехэн несколько минут наблюдал за ними. Потом он торопливо зашагал вдоль цепи и, пройдя немного, наискось перешел улицу. Приближаясь к углу Хьюм-Стрит, он почувствовал сильный запах духов и быстрым испытующим взглядом окинул молодую женщину. Она была в своем праздничном наряде. Синяя шерстяная юбка была схвачена на талии черным кожаным поясом. Большая серебряная пряжка, защемившая легкую ткань белой блузки, словно вдавливала середину ее фигуры. На ней был короткий черный жакет с перламутровыми пуговицами и потрепанное черное боа. Оборки кружевного воротничка были тщательно расправлены, а на груди был приколот большой букет красных цветов стеблями вверх. Глаза Ленехэна одобрительно остановились на ее короткой мускулистой фигуре. Здоровье откровенно и грубо цвело на лице, на толстых румяных щеках и в беззастенчивом взгляде голубых глаз. Черты лица были топорные. У нее были широкие ноздри, бесформенный рот, оскаленный в довольной улыбке, два верхних зуба выдавались вперед. Поравнявшись с ними, Ленехэн снял свою капитанку, и секунд через десять Корли ответил поклоном в пространство. Для этого он задумчиво и нерешительно поднял руку и несколько изменил положение своей шляпы.

Ленехэн дошел до самого отеля «Шелбурн»[5], там он остановился и стал ждать. Подождав немного, он увидел, что они идут ему навстречу, и, когда они свернули направо, он последовал за ними по Меррион-Сквер, легко ступая в своих белых туфлях. Медленно идя за ними, равняя свой шаг по их шагам, он смотрел на голову Корли, которая ежеминутно поворачивалась к лицу молодой женщины, как большой шар, вращающийся на стержне. Он следил за ними, пока не увидел, что они поднимаются по ступенькам донибрукского трамвая; тогда он повернул и пошел обратно той же дорогой.

Теперь, когда он остался один, его лицо казалось старше. Веселое настроение, по-видимому, покинуло его, и, проходя мимо Дьюк-Лоун, он провел рукой по ограде. Мало-помалу мелодия, которую играл арфист, подчиняла себе его движения. Мягко обутые ноги исполняли мелодию, между тем как пальцы после каждой фразы лениво выстукивали вариации по ограде.

Он рассеянно обогнул Стивенз-Грин и пошел по Грэфтон-Стрит. Хотя глаза его многое отмечали в толпе, сквозь которую он пробирался, они глядели угрюмо. Все, что должно было пленить его, казалось ему пошлым, и он не отвечал на взгляды, приглашавшие его быть решительным. Он знал, что ему пришлось бы много говорить, выдумывать и развлекать, а в горле и в мозгу у него было слишком сухо для этого. Вопрос, как провести время до встречи с Корли, несколько смущал его. Он ничего не мог придумать, кроме как продолжать свою прогулку. Дойдя до угла

Ратленд-Сквер, он свернул налево, и на темной тихой улице, мрачный вид которой подходил к его настроению, он почувствовал себя свободней. Наконец он остановился у окна убогой пивнушки с вывеской, на которой белыми буквами было написано: «Воды и закуски». За оконным стеклом раскачивались две дощечки с надписями: «Имбирное пиво» и «Имбирный эль». На большом синем блюде был выставлен нарезанный окорок, а рядом, на тарелке – четвертушка очень дешевого пудинга. Он несколько минут внимательно рассматривал эту снедь и затем, опасливо взглянув направо и налево, быстро вошел в пивную.

Он был ужасно голоден, если не считать бисквитов, которых он еле допросился у двух ворчливых официантов, он ничего не ел с самого завтрака. Он сел за непокрытый деревянный стол напротив двух работниц и рабочего. Неопрятная служанка подошла к нему.

– Сколько стоит порция гороха? – спросил он.

– Полтора пенса, сэр, – сказала служанка.

– Дайте мне порцию гороха, – сказал он, – и бутылку имбирного пива.

Он говорил нарочито грубо, чтобы они приняли его за своего, так как после его появления все насторожились и замолчали. Щеки у него горели. Желая казаться непринужденным, он сдвинул капитанку на затылок и поставил локти на стол. Рабочий и обе работницы внимательно осмотрели его с головы до ног, прежде чем вполголоса возобновить разговор. Служанка принесла ему порцию горячего гороха, приправленного перцем и уксусом, вилку и имбирное пиво. Он жадно принялся за еду, и она показалась ему такой вкусной, что он решил запомнить эту пивную. Доев горох, он остался сидеть, потягивая пиво и раздумывая о похождениях Корли. Он представил, как влюбленная пара идет по какой-то темной дороге; он слышал голос Корли, произносивший грубоватые комплименты, и снова видел оскаленный рот молодой женщины. Это видение вызвало в нем острое сознание собственной нищеты – и духа, и кармана. Он устал от безделья, от вечных мытарств, от интриг и уловок. В ноябре ему стукнет тридцать один. Неужели он никогда не получит хорошего места? Он подумал, как приятно было бы посидеть у своего камина, вкусно пообедать за своим столом. Достаточно шатался он по улицам с друзьями и девчонками. Он знал цену друзьям и девчонок знал насквозь. Жизнь ожесточила его сердце, восстановила против всего. Но надежда не совсем покинула его. Ему стало легче после того, как он поел, он уже не чувствовал себя таким усталым от жизни, таким морально подавленным. Он и сейчас может обосноваться где-нибудь в тихом уголке и зажить счастливо, лишь бы попалась хорошая, бесхитростная девушка с кое-какими сбережениями.

Он заплатил неопрятной служанке два с половиной пенса, вышел из пивной и снова начал бродить по улицам. Он пошел по Кэйпел-Стрит и направился к зданию Сити-Холл. Потом свернул на Дэйм-Стрит. На углу Джордж-Стрит он столкнулся с двумя приятелями и остановился поболтать с ними. Он был рад отдохнуть от ходьбы. Приятели спросили, видел ли он Корли и что вообще слышно. Он ответил, что провел весь день с Корли. Приятели говорили мало. Они рассеянно оглядывали лица в толпе и время от времени роняли иронические замечания. Один из них сказал, что встретил Мака час назад на Уэстморленд-Стрит. На это Ленехэн сказал, что вчера вечером был с Маком в баре Игана. Молодой человек, который встретил Мака на Уэстморленд-Стрит, спросил, правда ли, что Мак выиграл крупное пари на бильярдном турнире. Ленехэн не знал, он сказал, что Хулоен угощал их всех вином у Игана.

Он попрощался с приятелями без четверти десять и пошел по Джордж-Стрит. У Городского рынка он свернул налево и зашагал по Грэфтон-Стрит. Толпа девушек и молодых людей поредела, и он слышал на ходу, как компании и парочки желали друг другу спокойной ночи. Он дошел до самых часов Хирургического колледжа: должно было пробить десять. Он заспешил по северной стороне Стивенз-Грин, опасаясь как бы Корли не вернулся раньше времени. Когда он дошел до угла Меррион-Стрит, он занял наблюдательный пост в тени фонаря, достал одну из припрятанных папирос и закурил. Он прислонился к фонарному столбу и не отрываясь глядел в ту сторону, откуда должны были появиться Корли и молодая женщина.

Его мысль снова заработала. Он думал о том, успешно ли Корли справился. Попросил ли он во время прогулки или отложил до последней минуты. Он терзался от унизости положения своего друга и своего собственного. Но воспоминание о Корли, медленно повернувшись к нему на улице, несколько успокоило его: он был уверен, что Корли все устроит. Вдруг у него мелькнула мысль: а может быть, Корли проводил ее домой другой дорогой и улизнул от него? Его глаза обшарили улицу: ни намек на них. А ведь прошло не менее получаса с тех пор, как он посмотрел на часы Хирургического колледжа. Неужели Корли на это способен? Он закурил последнюю папиросу и стал нервно затягиваться. Он напрягал зрение каждый раз, как на противоположном углу площади останавливался трамвай. Гильза его папиросы лопнула, и он, выругавшись, бросил ее на мостовую.

Вдруг он увидел, что они идут к нему. Он встрепенулся от радости и, прижавшись к столбу, старался угадать результат по их походке. Они шли быстро, молодая женщина делала быстрые, короткие шажки, а Корли подлаживал к ней свой размашистый шаг. Видно, они молчали. Предчувствие неудачи кольнуло его, как кончик острого инструмента. Он знал, что у Корли ничего не выйдет; он знал, что все впустую.

Они свернули на Бэггот-Стрит, и он сейчас же пошел за ними по другой стороне. Когда они остановились, остановился и он. Они немного поговорили, а потом молодая женщина спустилась по ступенькам в подвальный этаж одного из домов. Корли остался стоять на краю тротуара, недалеко от подъезда. Прошло несколько минут. Затем входная дверь подъезда медленно и осторожно открылась. По ступенькам сбегала женщина и кашлянула. Корли повернулся и подошел к ней. На несколько секунд его широкая спина закрыла ее, а затем женщина снова появилась – она бежала вверх по ступенькам. Дверь закрылась за ней, и Корли торопливо зашагал по направлению к Стивенз-Грин.

Ленехэн поспешил в ту же сторону. Упало несколько капель мелкого дождя. Он принял это за предостережение и, оглянувшись на дом, в который вошла молодая женщина, чтобы удостовериться, что никто за ним не следит, со всех ног бросился через дорогу. От волнения и быстрого бега он сильно запыхался. Он крикнул:

– Эй, Корли!

Корли повернулся, чтобы посмотреть, кто его зовет, и затем продолжал шагать по-прежнему. Ленехэн побежал за ним, одной рукой придерживая на плече макинтош.

– Эй, Корли! – снова крикнул он.

Он поравнялся со своим другом и жадно заглянул ему в лицо. Но ничего там не увидел.

– Ну? – сказал он. – Вышло или нет?

Они дошли до угла Или-Плэйс. Все еще не отвечая, Корли повернул налево и зашагал по переулку. Черты его застыли в суровом спокойствии. Ленехэн шел в ногу со своим другом и тяжело дышал. Он был обманут, и в его голосе прорвалась угрожающая нотка.

– Что же ты, ответить не можешь? – сказал он. – Ты хоть попробовал?

Корли остановился у первого фонаря и устремил мрачный взгляд в пространство. Затем торжественно протянул руку к свету и, улыбаясь, медленно разжал ее под взглядом своего товарища. На ладони блестела золотая монетка.

Примечания

1 Большой бакалейный магазин в Дублине.

2 Богатый район Дублина.

3 Иначе – Дублинский университет. Основан в 1591 г. с целью укрепить реформацию в Ирландии.

4 Баллада на стихи ирландского поэта Томаса Мура (1779–1852).

5 Богатый отель для туристов.